

Сюй Сюхуа, увидев веник, вздрогнула и завопила ещё жалостливее, но слёз не было видно.

Те, кто постарше, поспешили выступить и уладить дело:

— Семья Юй, что вы делаете? Поговорите спокойно, мы все из одной деревни, вы ещё и сваты.

Семья Юй несколько поколений были кузнецами, всегда относились к людям доброжелательно и честно, к жителям деревни Сяньхэ и подавно относились прекрасно, мелочь обычно не брали. Люди, знающие цену доброте, были благодарны и поспешили успокоить:

— Семья Юй, что случилось, расскажите, все вместе рассудим.

Линь Цуйфэнь была в ярости:

— Юань-гэру сегодня нездоровится, с постели встать не может, она пришла и стала язвительно требовать, чтобы Юань-гэр вышел её поприветствовать. Я подумала, ребёнку нездоровится, пусть пожалеет его, зайдёт в комнату посмотреть, она не захотела, только и говорила: «маленькая дрянь», кого это она обзывает?

Это слово обычно использовали для ругательства тех женщин и гэров, которые не соблюдают целомудрие. Употреблять такое слово для своего ребёнка — очень грубо, все, услышав, почувствовали отвращение.

Сюй Сюхуа, естественно, не признавала:

— Я не говорила! Вы врётё!

— Говорила! Я слышал! — возразил Юй Шанью.

Дети не станут лгать в таком деле, да и семья Юй всегда ценила честность. Весы в сердцах собравшихся склонились в сторону семьи Юй.

Сюй Сюхуа, видя, что ситуация плохая, совсем перестала сдерживаться, хлопая в ладоши, закатила скандал:

— Ой! Не могу больше жить, муж, где же ты, вся семья обижает меня одну! Есть ли ещё кто-то с более чёрным сердцем, чем Юань-гэр? С тех пор как женился, ни разу домой не вернулся, не говоря уж о другом, даже такой основной ритуал, как возвращение в родительский дом, не исполнил! Его родители рано умерли, зря я, с пелёнок, вырастила его таким большим, он, взобравшись на высокую ветку, не признаёт меня, свою тётю!

Он может в семье Юй продавать пирожные, а вернуться в родительский дом повидать меня и его дядю не может! Мне и его дяде не важно, но он и свою родную бабушку не берёт в расчёт!

Линь Цуйфэнь возразила:

— Ты врѣшь! На второй день после свадьбы я приходила к тебе и говорила, что подождѣм, пока Юань-гэру станет лучше, и тогда вернѣтся в родительский дом, ты же согласилась!

— Он же может в вашем доме продавать пирожные! Я вижу, с ним вообще всё в порядке!

Цяо Юань велел Юй Дамэну поддержать его и выйти, как раз услышал эту фразу, быстро ущипнул себя и тут же вошёл в роль, вытирая слѣзы, с притворной грустью сказал:

— Тѣтя, что вы говорите?

Сюй Сюхуа привыкла проявлять наглость перед Цяо Юанем, увидев его, пришла в ярость и бросилась на него.

Цяо Юань перепугался, эта старуха слишком невежлива и деспотична!

Юй Дамэн быстро заслонил Цяо Юаня собой, свирепо уставившись на набрасывающуюся Сюй Сюхуа, вид у него был устрашающий, злобный.

Голос Сюй Сюхуа вдруг задрожал, и она остановилась на полпути, но всё ещё упѣрла руки в бока:

— Что? Ты ещё и ударить меня посмеешь?

Линь Цуйфэнь могла её ударить, но Юй Дамэн — нет, она сейчас законная старшая родственница Юй Дамэна, она не верила, что тот посмеет поднять на неё руку.

Подумав об этом, она выпрямила спину ещё прямее и с насмешкой сказала Цяо Юаню:

— Ого, Юань-гэр, ты женился и совсем зазнался, теперь есть на кого опереться.

Цяо Юань был в полном недоумении, сейчас он просто хотел спокойно жить в семье Юй, совсем не хотел вспоминать об этом злодее из памяти прежнего Цяо Юаня, а она сама пришла! Цяо Юань слегка дѣрнул Юй Дамэна за руку, показывая, чтобы тот не злился, затем неторопливо вышел перед всеми и пренебрежительно сказал:

— Тѣтя, что вы говорите, другие вышедшие замуж гэры опираются на родную семью, а я же должен рассчитывать на семью мужа, это...

Кто-то не сдержался и фыркнул.

Невестка Чжан, жена мясника, увидев, что Цяо Юань всё время держится за поясницу, прямо спросила:

— Юань-гэр, что с тобой? Почему всё время за поясницу держишься?

Цяо Юань поздоровался с ней и начал с серьёзным видом сочинять небылицы:

— Эх! Это у меня старая болезнь, раньше, когда воду носил, повредил поясницу, сегодня погода пасмурная — и снова заболело.

Что означает это «раньше», все отлично понимали.

Но Сюй Сюхуа не согласилась, разозлившись:

— Что ты имеешь в виду?

Не успел Цяо Юань что-то сказать, как соседка Сюй Сюхуа, тётя У, с удовольствием произнесла:

— Что имеешь в виду, сама не знаешь?

Муж тёти У и семья Цяо были соседями несколько поколений, всегда жили мирно, но с тех пор как Сюй Сюхуа вышла замуж в семью Цяо, между двумя домами не было покоя, каждые два-три дня ссорились из-за мелочей. Тётя У не жаловала Сюй Сюхуа и сейчас рада была сказать лишнего:

— Когда Юань-гэр был дома, какая работа по дому не была его? Это же с малых лет корень болезни!

Все тут же зашумели:

— И вправду, я сама видела, как Юань-гэр черпал воду у колодца, этим субтильным телом делал шаг, отдышал два, я не выдержала и велела своему мужу помочь донести до дома.

— Я тоже видела, зимой, одетого так легко, на реке стирающего одежду, руки все в обморожениях, эх!

Хотя в деревне и не было гэров или девушек, которые не работали бы дома, но это была лёгкая работа, совсем не такая изнурительная, как у Сюй Сюхуа. Внимательные давно видели, что Сюй Сюхуа намеренно притесняет, но всё же это не их семейное дело, никто не хотел вмешиваться.

Сюй Сюхуа пришла в ярость, снова бросилась к тёте У, но та её не боялась, рядом было несколько невесток, если Сюй Сюхуа посмеет её ударить, они её разорвут.

К счастью, Сюй Сюхуа благоразумно остановилась, и тогда вся её ярость обрушилась на того, кого она считала самым незащитным в этой ситуации, — Цяо Юаня:

— Вот ты чёрное сердце! Я вырастила тебя таким большим! И вот как ты со мной!

Говоря это, она села на землю и залилась горькими слезами, словно её саму обидели.

Этот приём был довольно умным, подумал Цяо Юань. В древности ценили сыновнюю почтительность, как ни крути, в глазах посторонних Сюй Сюхуа хотя бы воспитала его, если он посмеет нагрубить ей, это будет неблагодарность, пренебрежение её заботой. Цяо Юань подумал: что ж, притвориться жалким — ты умеешь, и я умею!

Он сделал вид, что хочет удариться о дерево, чтобы покончить с собой. Юй Дамэн перепугался, побежал быстрее Цяо Юаня, и тот ударился головой о твёрдую грудь Юй Дамэна, от боли зашипев.

— Юань... Юань-гэр, что ты делаешь? — Юй Дамэн крепко обнял Цяо Юаня, голос его был растерянным.

Вот болван! Цяо Юань, держась за сильно ударившийся нос, уцепился Юй Дамэна за поясницу, подмигнул ему. Юй Дамэн, казалось, вдруг что-то понял, но всё же не отпускал Цяо Юаня.

Цяо Юаню ничего не оставалось, как продолжить представление в этой позе:

— Не могу больше жить!

— Юань-гэр, почему ты так говоришь? — спросил кто-то.

Цяо Юань притворился несчастным:

— Наверное, все дяди и тётки слышали, что я в свадебную ночь пытался повеситься.

Деревенские фальшиво усмехнулись, неизвестно, что думали в душе, но на словах отрицали:

— Это всё слухи, ты не...

— Это правда! Но точно не из-за семьи моего мужа, а из-за неё!

Цяо Юань указал пальцем на Сюй Сюхуа и, не дав ей опомниться, тут же продолжил:

— Она запросила с семьи моего мужа восемь лянов выкупа, но не дала ни гроша приданого! В свадебную ночь я открыл те два старых сундука и посмотрел — там только моя повседневная одежда! Поднимать их было так тяжело, потому что она положила туда большие камни, чтобы увеличить вес!

Окружающие мгновенно словно взорвались:

— Восемь лянов?

— Это же слишком много! Если бы знала раньше, отдала бы свою дочь замуж в семью Юй!

— Разве семья Юй не была в долгах? Как могла дать столько свадебных денег?

— Они же уже арендовали лавку в городе, долги наверняка давно выплатили!

— Столько свадебных денег, и ни гроша приданого! Слишком позорно.

В Дачжу, поскольку гэры не такие плодovитые, как женщины, те родные семьи, которые любили своих гэров, чтобы те могли чувствовать себя уверенно и прочно встать на ноги в семье мужа, обычно давали больше приданого. В крайнем случае, у обычных семей были обязательны основные вещи: новая одежда, брачное одеяло, подушки с уточками*, свадебный котёл, свадебный таз, шкатулка для украшений. Тем более, семья Юй дала так много свадебных денег. (п/п: Утиные подушки (□□□, юаньянчжэнь) — традиционные парные подушки для новобрачных, украшенные вышитыми утками-мандаринками, символом супружеской верности и гармонии).

— Тётя так унижала меня! Я ещё подумал о всех страданиях, которые перенёс дома до замужества, в юном возрасте лишился родителей, почувствовал, что у меня тяжёлая судьба, на мгновение отчаялся и повесился...

Цяо Юань сделал вид, что вытирает слёзы, и продолжил:

— К счастью, семья моего мужа и мой супруг добрые, когда я очнулся, они всячески утешали меня, я почувствовал надежду на жизнь, постепенно одумался.

Некоторые тётушки, постарше и с мягким сердцем, последовали за ним, с грустью говоря:

— Юань-гэр, как же ты глуп, больше нельзя делать такого!

Цяо Юань кивнул и развязал полотенце на шее:

— Рану на шее сейчас уже почти зажила, раньше была слишком заметна, боялся, что распространится и все неправильно поймут, поэтому на третий день и не вернулся в родительский дом, думал подождать, пока заживёт, и тогда вернуться. Моя свекровь уже давно уведомила мою тётю, и та согласилась.

Все увидели, что даже через несколько дней ещё остались красные следы, значит, рана была серьёзной. Вспомнив догадки и слухи в деревне за последние дни, все смогли понять, почему Юань-гэр не вернулся в родительский дом на третий день. С таким видом выходить — неизвестно, что бы придумали! Не то чтобы он не вернулся, просто из-за нездоровья отложил на несколько дней. Деревенские семьи, откуда столько правил, разве семья не заключается в том, что ты прощаешь мне, а я прощаю тебе?

Цяо Юань продолжил:

— Муж и свекровь так хорошо ко мне относятся, мне неловко. Как-то услышал, как муж говорил, что на границе ел такие пирожные, раз уж было свободное время, начал их делать. Изначально только для домашних, позже...

Цяо Юань взглянул на бабушку Цзян в толпе, и та тут же выступила вперёд, подхватив:

— Я свидетель, это я, почуяв запах дома, пришла к ним, семья Юй тогда и денег брать не хотела, но мы купили много, нельзя же пользоваться щедростью даром.

Кто-то быстрый на язык подшутил:

— Тётушка, у тебя и вправду собачий нос!

Бабушка Цзян была добродушной, ни капли не рассердилась, с улыбкой отругала:

— Ты бы сам, почуяв этот запах, не усидел!

Все дружно рассмеялись.

Цяо Юань вовремя вышел вперёд, сложил ладони и сказал:

— Сегодняшний скандал отнял у всех время, те, кто сегодня придёт покупать пирожные, получат один в подарок за каждые два купленных.

Невестка Чжан тут же поддержала:

— Тогда мне нужно будет купить ещё! В прошлый раз отправила своей третьей младшей сестре, которая только что родила, ей очень понравилось, куплю ещё и отправлю, мой Дабао тоже любит.

Тема мгновенно перескочила на паровые пирожные, и Сюй Сюэуа оказалась полностью забыта. Она почувствовала, что сейчас не в выигрышном положении, оглядывалась, ища возможность незаметно улизнуть.

Заядлая противница тётя У не хотела её отпускать, тут же вздохнула:

— Эх, если бы второй брат Цяо и вторая невестка Цяо были ещё живы, Юань-гэр никак не мог бы так страдать! Помню, тогда второй брат Цяо работал на пристани, вторая невестка Цяо хорошо шила, ещё и одежду для жителей нашей деревни делала, оба вместе зарабатывали, жили хорошо!

Это дело было слишком давним, если бы тётя У не упомянула, все уже почти забыли, те, кто помоложе, вообще об этом не знали. Все понимали: после смерти родителей Цяо Юаня разве их имущество не захватила семья его дяди! Захватили чужое имущество, да ещё так мучили единственного сына-гэра — вот бессовестные!

Те, кто по справедливости просто не выносил поведения Сюй Сюхуа, и те, кто завидовал, что та даром получила восемь лянов серебра и имущество родителей Цяо Юаня, все стали осуждать и критиковать Сюй Сюхуа, каждый говорил своё. Сюй Сюхуа, чувствуя себя виноватой и пристыженной, не выдержала больше, поднялась и, пристыженная, убежала.

Отредактировано Neils январь 2026 год.

<http://bllate.org/book/14361/1272178>